

Пэй Шаоин почувствовала, как убийственная аура, исходящая от стоявшего рядом человека, столкнулась с ледяным холодом, веявшим от сидевшего на почетном месте главы семьи. Понимая, что дело принимает скверный оборот, она тихо прошептала:

— Брат, не горячись.

В тот самый момент, когда в зале повисло напряжение, готовое разрешиться схваткой, у входа раздался чистый, ясный голос:

— Не знаю, каково воспитание у брата Лина, но, господин Пэй-второй, оскорблять таким образом покойную мать — поступок, который едва ли можно назвать благородным.

Как только слова стихли, в гостиную вошла фигура в небесно-голубых одеждах. Е Сюаньчэ, поприветствовав Пэй Цяньхана и госпожу Пэй, произнес:

— Глава семьи, госпожа Пэй. Я не хотел вмешиваться в ваши семейные дела, но услышанное мною поведение второго молодого господина показалось мне столь противоречивым, что я не удержался и решил напомнить об одном важном правиле.

Он встал прямо перед Линь Сяо, невозмутимо преградив путь его взгляду, устремленному на главу семьи.

Госпожа Пэй, Му Юй, до этого хранившая молчание, едва заметно усмехнулась и тут же придала лицу бесстрастное выражение:

— О, четвертый молодой господин Е тоже здесь. Шаонань, слышал? Ступай в свои покои и перепиши правила семьи пять раз.

Хотя слова звучали как наказание, в её тоне не было ни капли строгости — лишь попытка замаять конфликт, чтобы не портить отношения с домом Е.

— Десять раз! — опомнившись, отрезал Пэй Цяньхань, глядя на второго сына. Даже под холодным взглядом жены он не взял свои слова назад. До этого он молчал, опасаясь супруги, владеющей духовной силой, но теперь, когда вмешался Е Сюаньчэ, он решил воспользоваться случаем и проучить своего вечно болтающего лишнее сына.

— Хм! — Пэй Шаонань яростно сверкнул глазами в сторону Е Сюаньчэ, затем с ненавистью посмотрел на Линь Сяо и Пэй Шаоин, сжимая зубы. В душе он проклинал их: «Ублюдки, прикрывающиеся чужой властью!»

Е Сюаньчэ не стремился раздувать скандал, и, видя, что госпожа Пэй вынесла решение, пусть и формальное, счел дальнейшие препирательства неуместными.

В этот момент снаружи снова слышались шаги. Вошли Пэй Шаофэн и Е Чэньюй. Заметив, что в комнате собрались все, они сразу поняли, в чем дело. Е Чэньюй вопросительно взглянул

на Е Сюаньчэ, но тот лишь едва заметно покачал головой.

Пэй Шаофэн сделал шаг вперед и обратился к отцу:

— Отец, сегодня два молодых господина из дома Е и... э-э, брат Шаоин, Линь Сяо, решили проблему с тем призраком. Думаю, постоянный двор Цзюйин скоро вернется к нормальной работе.

Пэй Цяньхань кивнул и, сложив руки в приветственном жесте, сказал:

— Не ожидал, что два молодых господина из дома Е невольно окажут мне такую услугу. Благодарю вас.

Хотя Пэй Цяньхань был старше, перед заклинателями он был вынужден соблюдать вежливость. В то же время он невольно изменил мнение о своем новообретенном сыне. У того не было собственного артефакта, но он сумел справиться с призраком — это доказывало, что он куда способнее его избалованного второго сына. Он непременно должен найти способ признать его полноправным членом рода и использовать на благо семьи.

— Слуги, приведите в порядок Южный двор. Отныне третий молодой господин будет жить там вместе с четвертой барышней.

— Не нужно! — Линь Сяо взмахнул рукавом. — Я не был рожден членом семьи Пэй и не стану призраком семьи Пэй. В этой семье есть только третья барышня, но нет третьего господина. А у меня, Линь Сяо, есть только одна сестра — Пэй Шаоин.

Пэй Шаоин, услышав это, встревоженно воскликнула:

— Брат, мы только встретились, мне столько нужно тебя расспросить! Оставайся здесь. Даже если ты не признаешь себя частью семьи Пэй, брат Сюаньчэ и остальные тоже не из нашей семьи, но ведь могут здесь остановиться.

Линь Сяо задумался. Посмотрев на Му Юй, он понял, что оставлять сестру наедине с этой женщиной опасно.

— Я поселюсь в гостевом флигеле, — ответил он, а затем повернулся к Пэй Шаофэну: — Где ты запер того подонка?

Пэй Шаофэн отвел взгляд, молча. Рядом с ним Е Чэньюй усмехнулся:

— В темнице под тренировочным полем семьи Пэй.

— Спасибо! — Линь Сяо подошел и похлопал Е Чэньюй по плечу. — Присмотрите за сестрой сегодня вечером. Здесь я доверяю только вам двоим.

Не дожидаясь ответа, он широким шагом направился к выходу.

— Брат, ты куда? — окликнула его Пэй Шаоин, услышав удаляющиеся шаги.

— Секрет! — бросил он и перемахнул через стену двора.

Е Чэньюй проводил взглядом исчезающую фигуру и покачал головой:

— Забавный человек. Сам нашел сестру, сам за нее переживает, а присматривать заставляет нас, посторонних.

Е Сюаньчэ загадочно улыбнулся:

— Не то чтобы он не хотел, просто сам сейчас на волоске от гибели.

В «Хуаманьлоу» Фэн Сю настраивала струны пипы, глядя в одну точку и не замечая, что тон звучит гораздо выше нужного. Вдруг окно распахнулось, и в комнату ввалилась черная фигура. Вздвогнув, Фэн Сю схватила инструмент и настороженно уставилась на незваного гостя. Увидев, что тот неподвижен, она осторожно приблизилась.

Заметив половину золотой маски, она выдохнула с облегчением, на лице промелькнула радость. Когда за дверью послышался голос хозяйки заведения, Фэн Сю крикнула: «Ничего страшного, я просто уронила пипу». Дождавшись, пока шаги стихнут, она с трудом перетащила Линь Сяо на кровать.

Линь Сяо прошибал холодный пот, он что-то бессвязно бормотал. Фэн Сю поняла, что его недуг снова обострился. Она сняла маску с его лица и отшатнулась: из шрама на щеке сочилась черная кровь, то же самое было на месте швов на руке.

Фэн Сю достала из волос серебряную заколку и слегка коснулась ею черной крови. В тот же миг кончик заколки почернел, и чернота поползла вверх. Девушка в испуге отбросила украшение. Она присмотрелась к Линь Сяо: губы его были бледны, но не черны — на отравление не похоже. Не зная, как помочь, Фэн Сю не решилась идти за лекарем. Вместо этого она взяла пипу и начала играть «Песнь усмирения душ» — нужно было во что бы то ни стало привести его в чувство.

В этот раз приступ был тяжелее обычного. Фэн Сю играла два часа, пока пальцы не стерлись в кровь. Лишь тогда дыхание Линь Сяо выровнялось, а кровотечение остановилось. Черно-бурые пятна на подушке и простынях выглядели пугающе.

К ночи шум снаружи разбудил Линь Сяо. Лицо и рука горели от боли. Медленно открыв глаза, он увидел Фэн Сю, уснувшую прямо на столе; на ее пальцах запеклась кровь — она поранилась, играя для него. Заметив на полу почерневшую заколку, он вздрогнул, а опустив взгляд на постель, увидел, что все вокруг залито его собственной черной кровью.

Линь Сяо немедленно достал из накопительного кольца бутылку вина с серой, через силу смыл грязь с лица и рук, а затем собрал все испачканные вещи в кольцо.

Фэн Сю проснулась от шороха. Увидев, что Линь Сяо пришел в себя и вытирает пол, она прошептала:

— Господин Линь, вы наконец очнулись.

— Ты оказалась проворной, догадалась проверить кровь заколкой.

— Я... — Фэн Сю подумала, что он иронизирует, и не знала, что ответить.

— Не бери в голову, — Линь Сяо поднял заколку. — Я бы хотел, чтобы все были так же умны, как ты, это сэкономило бы мне кучу проблем. — Его взгляд потемнел, он замолчал. — Придется купить новое постельное белье. Я велю кому-нибудь принести его позже.

— Пустяки. Вы проспали целый день, должно быть, проголодались. Здесь нет ничего, кроме пирожных, прошу, угощайтесь.

— Зови меня просто Линь Сяо, сестрица Цин'эр, — он попытался приподняться.

Фэн Сю замерла, услышав обращение, и лишь через мгновение поняла, что речь о ней. В сердце кольнуло, она протянула ему чашку чая.

Линь Сяо сделал глоток:

— У тебя нет семьи? Почему ты остаешься в «Хуаманью»?

Фэн Сю улыбнулась:

— А еще, если бы я ушла, вас бы уже давно схватили.

Линь Сяо смутился. Если бы не Фэн Сю, его положение было бы незавидным. Он недооценил Му Юй.

Видя, что Линь Сяо снова помрачнел, Фэн Сю продолжила:

— Моя семья погибла, когда я была совсем маленькой. Кормилица говорила, что мы перешли дорогу каким-то влиятельным людям, и я осталась одна.

Линь Сяо помолчал, затем достал из-за пазухи самодельную мазь для заживления кожи, взял руку Фэн Сю и аккуратно нанес средство на порезы от струн:

— Это мое фирменное снадобье, после него не остается шрамов. Держи, это тебе.

Фэн Сю рассмеялась:

— Не верю. Если бы оно было таким чудодейственным, то твое лицо... — она осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

Линь Сяо разжал ладонь и при свете свечи посмотрел на швы, пропитанные кровью:

— Эти шрамы мазью не убрать. — Это были отметки, выжженные в самой душе, их могла стереть только кровь врагов.

Он не хотел продолжать эту тему:

— Прежнюю главную красавицу, Шуй Сю, погубил хозяин «Мучуньфэн», господин Ло. Сегодня я схватил этого мерзавца. Завтра я заставлю его узнать, что значит жизнь хуже смерти.

Теперь пришла очередь Фэн Сю молчать. Спустя долгое время она тихо сказала:

— На самом деле, в «Хуаманьлоу» все об этом знали.

Линь Сяо на мгновение опешил, а потом догадался:

— Постой, вы ведь тоже пили вино из «Мучуньфэн», почему же...

— Когда хозяйка сказала, что Шуй Сю сбежала, я не поверила. Мы были близки. Она рассказывала, что ее сестра-близнец, с которой они выросли, попала в поле зрения одного помещика. Тот души в ней не чаял, и она копила деньги, чтобы выкупить Шуй Сю. В тот день, когда она пропала, ее сестра как раз приехала в город Пинхэ. Шуй Сю вышла, чтобы купить ей подарок.

— Может, сестра приехала, чтобы помочь ей сбежать?

— Нет, она приходила сюда, отдала деньги хозяйке, но та сказала, что Шуй Сю не вернулась, и отправила ее восвояси. С тех пор сестра больше не приходила, а вскоре появились стражники, объявившие Шуй Сю беглянкой. Хозяйка пригрозила нам: если не хотим беды, лучше забыть о том, что мы видели сестру Шуй Сю. — Голос Фэн Сю стал почти шепотом.

— Почему ты рассказала это мне? — спросил Линь Сяо.

— Я никогда не встречала таких людей, как вы. Вы совсем не злой человек, хотя и пытаетесь казаться жестоким. — Она улыбнулась ему: — Я могу не верить своим глазам, но я верю вам.

— О? — Линь Сяо приподнял бровь. — Но ты не поверила даже в мою мазь, а говоришь, что

веришь мне?

Фэн Сю прикрыла рот рукой, смеясь:

— Я сказала, что верю вашему сердцу, а не вашему мастерству.

— Ха-ха-ха! Ну и остра же ты на язык, Цин'эр! Зови кого-нибудь за вином, хочу посмотреть, сможешь ли ты так же бойко болтать после пары кубков! — рассмеялся Линь Сяо.

Много лет спустя Линь Сяо поймет, что то, что он принял за обычную пикировку, было самым искренним признанием в любви.

<http://bllate.org/book/21754/2249407>